

мых источников энергии”, присоединение Беларуси к Киотскому протоколу Рамочной конвенции ООН об изменении климата и другие актуальные действия, однако многие важные меры в данном направлении развития энергетической безопасности должны быть интенсифицированы совершенствованием уже действующего законодательства.

Речь идет о мировой практике использования энергетического потенциала отходов коммунальной и сельскохозяйственной сфер, обращение которых в нашей стране регламентируется экологическим законодательством, главным образом Законом “Об отходах” от 25.11.1993 г. По оценкам специалистов, потенциальная энергия, заключенная в коммунальных отходах на территории Беларуси, равноценна 470 тыс. т условного топлива в год, а потенциал отходов растениеводства оценивается в 1,46 млн т условного топлива в год. Большой энергопотенциал и у отходов животноводства. Эффективность переработки отходов следует оценивать не только по выходу энергии, но и по экологической составляющей, т.е. утилизации отходов. Очевидно, что рассматриваемые отходы представляют собой не просто вторичное сырье для повторного использования, а самостоятельный энергоноситель наравне с другими собственными энергоресурсами: торфом, древесиной и т.д.

В силу сказанного максимальное вовлечение отходов в энергетику страны становится важнейшей составляющей всей сферы обращения отходов, что, по нашему мнению, следует отразить в Законе “Об отходах” и других нормативных правовых актах.

В.И. Ермолович

БГЭУ, Минск

ДОГОВОР ЗАЙМА В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ

В средневековом сербском праве институт займа опирался на нормы формирующегося залогового права. Об этом свидетельствует ст. 90 “Законника Стефана Душана”, из которой следует, что в силу договора займа заимодавец передавал заемщику определенную сумму денег или определенное количество вещей (чаще всего продуктов питания). В содержании указанного вида договора прослеживается его классовая сущность. Заимодавцами чаще всего были представители господствующего класса — феодалы, а заемщиками обычно выступали обедневшие крестьяне. Неудивительно, что нормы средневекового права Сербии защищают в первую очередь интересы заимодавца. Ст. 1 титула X “Эклоги” гласит, что

заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие вражеского нашествия, морского кораблекрушения или по какой-либо другой причине. Следовательно, отсрочка долга не допускалась даже при непреодолимой силе, даже в случае таких стихийных бедствий, предотвратить которые было не в силах должника. Для средневековой Сербии набеги врагов были обычными явлениями, при которых происходило полное разорение крестьян. Однако никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок.

При невыполнении заемщиком своих обязательств в установленный срок кредитор после нескольких предупреждений (не менее двух) имел право продать вещи, полученные в залог от заемщика. Из полученной суммы в результате реализации предмета залога кредитор имел право погасить долг заемщика, исходя из условий договора займа. Указанный подход к реализации института займа в немалой степени способствовал обезземеливанию, разорению крестьян, превращению их в зависимую категорию населения. Вместе с тем постановления действующих правовых актов на территории феодальной Сербии содержали и некоторые ограничения в отношении правомочий кредитора. Например, заимодавец в соответствии с постановлением ст. 3 титула X "Эклога" не имел права брать в залог детей должника и привлекать их к работам, выполняемым рабами. Впрочем, указанная норма исполнялась формально.

Согласно "Синтагме" Матвея Властаря, если в залог была дана вещь, приносящая плоды, то плоды, собранные от этой вещи, должны быть зачислены в счет долга. При этом должны были быть учтены не только собранные плоды, но и те, которые были потеряны вследствие небрежности.

Длительное время короли Сербии пытались сдерживать широкомасштабное разорение населения страны, которое вело к ослаблению обороноспособности государства. Осуществлялась политика сдерживания путем правового запрета церкви заниматься ростовщической деятельностью. Данная правовая традиция была заложена еще Святым Саввой в главе 45 "Номоканона" ("Кормчей книги") в 1219 г. и получила дальнейшее развитие в Хрисовулах королей Милутина и Стефана Душана Хиландарскому монастырю. Ограничения на занятие ростовщической деятельностью для Сербской церкви были сняты в 1388 г. на основании Хрисовула, выданного кесарем Грегуром Архангеловскому монастырю.